

Когда Август и Рафаэль наконец погрузились в учёбу, вопреки обещаниям, у Рафаэля появился гость по делам — маркиз.

Август разозлился, схватил книгу и убежал наверх, дав понять, что сегодня разговаривать с Рафаэлем не намерен.

Маркиз, пока слуги помогали ему снять верхнюю одежду, не скрывал изумления. Все знали, что Рафаэль души не чает в племяннике, но насколько сильно — оставалось загадкой, ведь тот мастерски скрывал истинные чувства. Лишь сегодня маркиз увидел всё своими глазами. В любой другой ситуации человек, осмелившийся надерзить Рафаэлю, уже считался бы мёртвым.

— Он тебя совершенно не знает, — усмехнулся маркиз, усаживаясь напротив. — Иначе никогда не посмел бы так себя вести.

Рафаэль покачал головой, и на прекрасном лице его появилась улыбка, нежная и чуть усталая. — Это ты Орла не знаешь.

Маркиз почувствовал, будто Рафаэль предостерегает его: об Августе нельзя говорить плохо даже в шутку.

— Орл не капризничает. Он просто ищет повод, чтобы не учиться.

Маркиз: «...» И чему тут улыбаться?

Вообще, титул маркиза в средневековой Европе был довольно двусмысленным.

Чтобы понять это, нужно вкратце вспомнить, как складывалась европейская система титулов — совсем не так, как в Китае. В Поднебесной со времён Чжоу существовала чёткая иерархия «гун, хоу, бо, цзы, нань», которую последующие династии лишь дополняли и уточняли. В Европе же система титулов формировалась постепенно, в ходе естественного отбора.

Первым из пяти основных титулов появился граф (count/earl), что изначально означало «верный спутник короля». Графы были могущественными лордами, управлявшими несколькими графствами. Позже их власть стали ограничивать.

Тем не менее роль графов была чрезвычайно важной — куда значительнее, чем принято считать в Китае.

Маркиз (marquess) появился позже, и власть его была схожей: он также управлял несколькими графствами и пользовался доверием короля. Со временем провели искусственное разделение: маркизы становились правителями пограничных земель, а графы — внутренних. В Англии, впрочем, это правило соблюдалось нестрогое.

Например, Рафаэль, граф Марч, как раз владел приграничными территориями.

А его друг, маркиз Вустер Филипп — тот самый высокий красавец, сидящий напротив, — правил историческим городом в центральной Англии.

Маркизов всегда было меньше всех, и статус их не считался таким уж значительным по сравнению с герцогами и графами.

Поэтому, хотя титул Филиппа и был выше, они с Рафаэлем общались на равных — более того, Рафаэль нередко занимал ведущую позицию. Впрочем, их отношения строились в основном на

сотрудничестве, и никто не мог приказывать другому.

Эта особенность позволяла Филиппу говорить с Рафаэлем откровенно.

— Если ты видишь его уловки, зачем потакаешь? — с искренним видом заметил маркиз. — Детей баловать нельзя, да и возлюбленных тоже. Они всегда должны знать, кто в доме хозяин.

Рафаэль не разделял этой высокомерной точки зрения, и вот почему:

— Ты до сих пор холост, спасибо кстати.

Он был уверен, что именно такие взгляды мешают Филиппу найти пару. Кто выдержит подобные вздорные идеи?

— Ты тоже, спасибо, — фыркнул Филипп. Зачем одинокому человеку мучить другого?

— Но я гораздо моложе и успешнее тебя, — Рафаэль не ведал, что такое скромность.

Маркиз был ранен в самое сердце. Он откинулся на спинку кресла, пытаясь прийти в себя, и задался вопросом: зачем он, богатый и влиятельный, пришёл к Рафаэлю в свой законный выходной, чтобы терпеть такие унижения?

— Ладно, шучу, — улыбнулся Рафаэль. — Так что же мне делать с Орлом?

— Отправь его в школу, — Филипп действительно не разбирался в детях — своих у него не было, а чужих он терпеть не мог. — Говорят, сейчас многие так делают.

С XII века в крупных городах Европы начали появляться школы, но большинство из них были небольшими, и обучение не было обязательным (адаптировано по книге «Расскажите моему ребёнку о Средневековье»). Дети знати и купцов часто получали образование именно там.

— Ты серьёзно? — Рафаэль усмехнулся.

Некоторые дворянские семьи и вправду отправляли детей в школы, но большинство предпочитало домашних учителей.

Что же до Августа, члена королевской семьи, то тут и речи быть не могло. В Англии принцы стали посещать публичные школы лишь в современную эпоху. До того королевская семья строго охраняла своё достоинство и таинственность.

— Просто предложение, — Филипп поднял руки в защитном жесте. — Но я уверен: ты можешь его образумить, просто не хочешь.

Рафаэль даже бровью не повёл. — Ты прав. — Ему просто было жаль затруднять Августа.

Как единственный, кто знал о тайных чувствах Рафаэля, маркиз был вынужден проглотить целую тонну «собачьего корма».

Впрочем, он и сам признавал: даже мимолётного взгляда хватило, чтобы понять, почему Рафаэль так привязан к Августу. Тот был не самым красивым, но определённо самым очаровательным. Сын Чёрного Принца и красавицы Джоан, он унаследовал лучшие черты обоих родителей.

Кожа — белая, как молоко, губы — алые, словно розы, волосы — золотистые. Да и возраст —

самый прекрасный, пора юности.

— Если будешь продолжать в том же духе, не ручаюсь, что у тебя когда-нибудь будут дети.

Рафаэль рассмеялся.

«!!!»

В итоге Август всё-таки добился своего: вскоре после приезда маркиза Рафаэль уехал вместе с ним. Шутливое предсказание сбылось — у короля и королевы вновь наметился разлад. Ричард II снова разочаровался в супруге.

На сей раз причина была иной — не новая красавица, не пылкая страсть.

Всё упиралось в религию.

Королева Екатерина получила блестящее образование. Родившись в католической семье, она прониклась симпатией к протестантизму. Став королевой, она смогла полностью отдаться изучению богословия, опубликовав несколько трудов.

Поначалу мисс Мария считала, что королева Екатерина идеально подходит Ричарду II — оба выросли в католичестве, но обратились к протестантизму.

Даже сама королева и Ричард II думали так же.

Но реальность оказалась жестокой.

Ричард II не был искренним сторонником протестантизма. Новая вера была ему нужна лишь как знамя, в жизни же он продолжал придерживаться католических догм и желал того же от других.

Королева же Екатерина искренне верила, что протестантизм — это шаг вперёд, благое изменение, и стремилась перестроить всю жизнь в соответствии с его принципами.

Когда два человека, внешне исповедующие одно, а в душе — разное, живут вместе, это становится катастрофой.

Королева Екатерина была слишком молода и не сразу разглядела двойственность короля. Она то и дело пыталась обсуждать с ним религиозные вопросы, которые он в душе не поддерживал, — а Ричард II и без того страдал от болезни и был переменчив.

Результат оказался ужасен.

<http://bllate.org/book/15929/1424248>